ИЗДАНІЕ В. П. ГЛАДИКА.

ВОЙНА ВЪ КАРПАТАХЪ

ДРАМА ВЪ III. АКТАХЪ.

ОБРАЗЪ

СТРАДАНІЙ И АРЕСТОВЪ РУССК. СЕЛЯНЪ ВЪ ЧАСЪ МІРОВОЙ ВОЙНЫ ВЪ ПРИКАРПАТСКОЙ РУСИ.

НАПИСАЛЪ:

АСКОЛЬДОВИЧЪ—ТАЛЕРГОФЕЦЪ.

Цѣна 25 центовъ.

1921.

Типографія „Правды" 213 N. Willow Ave., Olyphant, Pa.

Digitized by the Internet Archive
in 2016

https://archive.org/details/vonavkarpatakhdr00unse

ИЗДАНІЕ В. П. ГЛАДИКА.

ВОЙНА ВЪ КАРПАТАХЪ

ДРАМА ВЪ III. АКТАХЪ.

ОБРАЗЪ

СТРАДАНІЙ И АРЕСТОВЪ РУССК. СЕЛЯНЪ ВЪ ЧАСѢ МІРОВОЙ ВОЙНЫ ВЪ ПРИКАРПАТСКОЙ РУСИ.

НАПИСАЛЪ:

АСКОЛЬДОВИЧЪ—ТАЛЕРГОФЕЦЪ.

Цѣна 25 центовъ.

1921.

Типографія „Правды" 213 N. Willow Ave., Olyphant, Pa.

ДѢЙСТВУЮЩІИ ЛИЦА:

ТЕОДОРЪ ШУГАЙ, лѣтъ 60.
СОФІЯ, его жена, лѣтъ 55.
МАРТА, ихъ донька, лѣтъ 17.
ВАСИЛЬ ЩЕГОТЬ, лѣтъ 50.
МАРІЯ, его жена, лѣтъ 45.
ВАНЬО, ихъ сынъ, лѣтъ 24.
НИКИФОРЪ ЖУКОВЪ, парубокъ лѣтъ 25.
ЖИДЪ ХУНА ЛЕЙЗЕНФРЕССЕРЪ.
Оденъ австрійскій жандармъ. — Оденъ австр. офицеръ.
Оденъ ординансъ. — Оденъ австр. постъ.
Два русскіи солдаты.
Двѣ дружки. Двѣ свашки. Два старосты.

ВОЙНА ВЪ КАРПАТАХЪ

ДРАМА ВЪ III. АКТАХЪ.

Рѣчь дѣеся въ селѣ.

АКТЪ I.

СЦЕНА I.

(Сцена представляе сельскую хату, въ хатѣ столъ, кресла, лавка). Выступаютъ: Василь Щеготъ отецъ, Марія Щеготъ мати, Ваньо, ихъ сынъ яко жовнѣръ на урльопѣ. Василь сѣдитъ на лавѣ. Марія стоитъ коло стола, Ваньо сѣдитъ передъ столомъ задуманый).

ВАНЬО: — Не досить всей бѣды, еще треба буде на войну ити.

ВАСИЛЬ: — Гей Боже, Боже, были бы хотяй не арештували бѣдныхъ людей и не знати за що?

МАРІЯ: — За що? За вѣру — та война иде.

ВАНЬО: — За вѣру, тай за тое, що русскій хлопъ вачавъ просвѣщатися а панамъ то не на руку и давай его и до криминалу пхати, и вѣшати, щобы скорше отняти ему его право.

ВАСИЛЬ: — Боже мой, забрали русскихъ священниковъ,учителей, и Богъ знае, чи уже и свѣтъ зобачатъ. Гнали якъ худобу а били, мордовали, та чую, що и по дорозѣ много мучениковъ умерло. Церковь замкнена, дзвоны забрали, а ввойти до церкви сохрани Боже, бо жиды донесутъ волякамъ и маешь шибеницю, за тое щось русскій человѣкъ.

МАРІЯ: — А Фенниного арештували, а потомъ въ мѣстѣ розстрѣляли за то, що сказавъ, що дзвоны на войну забрали злодѣи.

ВАНЬО: — Онъ того не сказавъ, только злость на него мавъ той панскій лизунъ, що панского лѣса пильнуе и съ панами жіе. Не слухали плачу, ни просьбы, засудили въ вечеръ а на рано уже невинного повѣсили. (За сценою чути кроки), — ктось тутъ иде (встае, заглядае до окна), — ага! Жандармъ съ жидомъ иде, — щось то нового буде?

СЦЕНА II.

(Входитъ жандармъ съ жидомъ Хуною).

ЖАНДАРМЪ: — (остро). Гдзье тутай мацье москевське газеты и ксьонжки?

ВАСИЛЬ: — (стае съ лавки) Пане жандармъ, мы не маемъ ничъ московского, только наше русске, то що вольно було читати (показуе книжечку изданія Общества им. Михаила Качковского).

ЖАНДАРМЪ: — Ага — то правде мувілъ панъ Хуна, же у васъ есть складъ революційныхъ ксьонжекъ, власьнье тыхъ Качковскіего,

ктуре я шукамъ, цо то пшецѣвъ паньству и найяснѣйшему пану пішомъ.

ХУНА: Прошу пану вахмистръ, вунъ повядалъ, же нашъ цѣсарь маштыри жоны, и же онъ ему піякъ, и циганъ, и злоджей, — я на то буде присьенгалъ.

ЖАНДАРМЪ: — Такъ мувілесь влодзьею?

ВАСИЛЬ: — Нѣтъ, пане жандармъ, — разъ я не злодѣй, жію честно, вѣрую въ Бога, працюю на кавалокъ хлѣба въ потѣ чола, никому не роблю кривды, где можу, тамъ поратую ближнього, доволенъ тѣмъ, що маю, а на цѣсаря я николи ничого злого не говоривъ.

МАРІЯ: — Такого свѣдка якъ Хуна, пане комендантъ вы не слухайте, бо то наша пьявка, а що мой мужъ не пье палюнки, то за то на него жидъ злый. Самъ онъ злодѣй, бо здирае съ бѣдныхъ людей що може.

ЖАНДАРМЪ: Мільчъ бабо, я цьебье заразъ скуе и подъ сондъ военный отдамъ.

МАРІЯ: — Та за що пане комендантъ? — Кому я що злого здѣлала въ громадѣ? Жію честно, спокойно и до теперь никто злого слова не сказавъ на мене въ громадѣ.

ХУНА: — Ого, — добры вы люде, — до теперь на васъ права не было, але давъ панъ-бѣгъ война, и ваше москевске пануванье скоро закончится. Южъ капурецъ буде съ вашимъ читальня, газеты и бунты на жиды и на пропинаціе, — теперь настае наше право и зобачите чія правда на швѣтѣ буде.

МАРІЯ: — А що-жъ я вамъ злого на свѣтѣ сдѣлала, що вы такъ на мене ворогуете.

ХУНА: — Щьо? Вы ся еще спѣтаете? Вы перши идете до церкви жебы тамъ кшендзу повѣдати хто вчера бувъ въ корчма, кто палюнку пивъ, — ви перши идете до читальня, жебы тамъ повѣдати на жиды паскудны рѣчи, жебы жидъ замыкавъ жидовске склепъ и жебы отвирати хлопске торговля, бо жидъ не потребуе гроши, бо жидъ велике панъ.

МАРІЯ: — Або не правда? А що насъ губитъ якъ не горѣвка? До теперь въ вашихъ рукахъ бувъ гандель, и цѣны якіи сами хотѣлисте, такіи сте назначали, а бѣдный хлопъ мусѣлъ вамъ давати свою працю.

ХУНА: — Бо хлопъ на тое, жебы на друге робити, бо хлопъ то оно глупе, не знае ани читати, ани писати, не знае, що стоитъ въ книжкахъ писано, то оно ему пасуе только до лопата и до гной.

МАРІЯ: — А вы барзъ вченый человѣкъ, — знаете только чужіи гроши раховати.

ХУНА: — А щьо вамъ до того, я ша до ваше читальня не мѣшало, ажъ поки не прійшовъ часъ, — теперь скажу вшытко и присягну-

ти буду, якъ вы робили, абы москаля стягнути а наше цѣсарь звалити, якъ вы на представлѣня на рѣздвяны свята ажъ три царѣ показували людямъ, жебы они за московскимъ царемъ тягали.

ЖАНДАРМЪ: — Цо я слыше, ажъ на пржедставьеню цара показовалѣ, — о ты бабо пшекльента, мусѣшь засвядчыць о вшисткихъ здрайцахъ, ктуржи сьенъ тей збродньѣ до пусьцѣлѣ і нье такъ льекко выпущенъ цье я съ моихъ шпонуфъ.

ВАСИЛЬ: — Пане комендантъ, жадного царя московского никто на представленю не показувавъ, — тамъ были представлены три цари зъ востока, котріи прійшли поклонитися новонарожденному Христу.

ХУНА: — Неправда! они мали на голова короны и бороде якъ московске царь и говорили по русскье, — я добре знае на що то така комедія робиться для руссье хлопъ! Я було подъ вокно, я видѣло.

МАРІЯ: — Ты видѣвъ, але-сь видѣвъ трехъ царей съ востока и царя Ирода на представленю, але не русского царя.

ЖАНДАРМЪ: — Мньейше съ тымъ, кого видзіялъ альо видзіялъ и сами нье пржечинцье же сьцье читалі московскіе ксіонжки и газеты, васъ сье зааресттуе і цала та вьесь сье спали, бо ту гняздо революційне. (Вынимае ланцушокъ, щобы сковати Василя и Марію).

ВАНЬО: — Пане комендантъ, прошу васъ, дайте родичамъ спокой, то люде спокойны цѣла громада посвѣдчить за ними, що они ничъ злого противъ цѣсаря ани державы не говорили.

ЖАНДАРМЪ: — Абтретенъ! Цо нанъ ту робішь!

ВАНЬО: — На урльопѣ (показуе паперы).

ЖАНДАРМЪ: — А то и ты съ тей бунтовничей фамиліи?!

ВАНЬО: — О бунтахъ моей фамиліи не знаю — а знаю только, що мы русины и що право австрійске позваляло намъ читати газеты и книжки, ажъ до войны — а тепер видзу, що за тое право людей мучатъ и арестуютъ.

ЖАНДАРМЪ: — Мильчецъ! — Бо я и цьебье отдамъ подъ сондъ военны. (Ваньо отступае а жандармъ сковуе родичей его, которыи просятся и плачутъ. Жандармъ сковавши ихъ говоритъ): „напшудъ маршъ"! (Отходятъ съ плачемъ, за ними и жидъ, остае Ваньо самъ).

ВАНЬО: — Боже мой, Боже мой! (заламуе руки заглядае до окна за родичами). Где они ихъ поведутъ? А ту ани за ними итти, бо яко войскового розстрѣляютъ, и самъ загину, и имъ не поможу. — Боже мой, ахъ Боже мой! (падае на лавку, входитъ перестрашена Мартя Шугай).

МАРТА: — Ванью! Ванью! Що съ тобою сталося?

ВАНЬО: — (подноситъ голову) Ахъ сталося! Сталося горе, — горе велике, няня и маму забравъ жандармъ и Богъ знае куда повезъ.

МАРТА: — Та за що?

ВАНЬО: — За що? Спытайся ихъ. О, якъ многихъ а невинныхъ людей теперь вѣшаютъ! За що? Никто не знае. Я самъ подъ эскордою провадивъ до Талергофу трое людей съ которыхъ оденъ человѣкъ бувъ цѣлкомъ слѣпый и глухій оскаржили его вороги, що онъ дорогу подъ Горлицями козакамъ показовавъ. Другихъ двохъ было съумасшедшихъ (варіятовъ) которыи цѣлу дорогу спѣвали и тѣшилися, що ѣдутъ желѣзницею. За щожъ тѣхъ людей арестовали?

МАРТА: — Ты неимовѣрны рѣчи оповѣдаешь.

ВАНЬО: — Горко але правда.

МАРТА: — А гдежъ родичей вавели?

ВАНЬО: — Ахъ! не знаю, не знаю (плаче).

МАРТА: — (обнимае Ванья). (Не плачь Ванью, — ты моя надѣя, ты моя любовь, — мое сердце дрожитъ на кажде твое нещастье, — що болитъ тебе болитъ мене, еще горше —бо я не можу тебе видѣти сумнымъ, понеже ты мой другъ досмертный, неразлучный, — никого кромѣ тебе на свѣтѣ незнаю и знати не хочу.

ВАНЬО: — (встае бере за руку Марту). Марто, Марто! моя дорога, слова твои оживляютъ во мнѣ забитое сердце, въ такъ тяжкомъ горью, яке мене передъ хвилею стрѣтило, если ты моя будешъ, я еще поважусь жити, я еще перетерплю той тяжкій боль! Твоя любовь зможе мене отвернути отъ мысли съ которою я уже погодився.... я рѣшивъ лишити себе житья, если бы моимъ родичамъ сталася яка кривда.

МАРТА: — Нѣтъ друже, забуть о томъ, я твоя — твоя до смерти. Горе военное и кривда яку переживаютъ — наши любящіи себе сердця злагодятъ. Въ смутку, въ недолѣ, потѣшимо себе взаимно горячею любовью. Отъ теперь никто не буде въ состояніи насъ розлучити.

ВАНЬО: — Памятай Марто, щось сказала, ты одна змогла своею горячою любовью выдерти нещастную мою душу отъ погибели. Ты одна заступишъ менѣ любовь моихъ бѣдныхъ родичей и лагодишъ той не высказанный боль, который передъ хвилею прошивъ мое сердце. Теперь пращай, я иду, може где довѣдаюся о нихъ. (отходитъ).

СЦЕНА IV.

(Входятъ Теодоръ Шугай и его жена Софія).

ТЕОДОРЪ: — Што то буде, што то буде, чи Богъ ся погнѣвавъ на бѣдныхъ людей, чи люде тому виноваты, што такъ тяжко приходится терпѣти. (сѣдае на лавку).

МАРТА: — Не спорѣкайте няню на Господа Бога, не спорѣкайте, мы еще хотяй хижу маемъ и якій такій хлѣбъ, — а дивѣтся, Щеготовымъ и хату спалили, и все зрабовали, и до того обоихъ старыхъ заарештували, въ неволю забрали, и Богъ знае чи повернутся.

СОФІЯ: Што ты кажешь? Забрали ихъ вояци? (сѣдае на кресло).

МАРТА: — Якъ-жебы нѣ? Вы ничого мамо не знаете?

СОФІЯ: — Откижъ бымъ знала? Зо страху сиджу въ дома, отъ того часу якъ вороги палили села, тай боюся кому показати, жебы где человѣка не забили.

МАРТА: — Ахъ взяли мамо, взяли старого Василя и жену его и повели ихъ Богъ внае куда!

СОФІЯ: — А за што ихъ заарештували?

ТЕОДОРЪ: — А то певно за книжки съ Общества Качковского и за русскіи газеты.

МАРТА: — За тое, —але и за тое, що Хуна ихъ оклеветавъ, що они на цѣсаря и на державу щось бесѣдовали.

ТЕОДОРЪ: — Иди, иди, — тамъ бы кто на бесѣду Хуна зважавъ, то за книжки и газеты забрали ихъ — бо не треба хлопу того, тое панове собѣ читаютъ — а не хлопъ.

МАРТА: — Якто? Хлопу уже не треба просвѣщенія? То хлопъ уже ничого не мае о свѣтѣ знати? Только на богатыхъ отъ рана до ночи працевати. Вы ся няню встыдайте вашой бесѣды. Если бысьмо ся просвѣщали якъ другіи люде, то бысьмо иначе жили и достатокъ мали; другіи народы числили бы ся съ нами, вороги не пановали бы надъ русскимъ народомъ и мы бѣдныи русины малибысьмо свои права.

ТЕОДОРЪ: — Подожди — подожди но, еще за тое што читаешъ книжечки съ общества Качковского и русску газету, пойдешъ и ты до крыминалу якъ Щеготовы пойшли.

МАРТА: — А хотяй пойду, то менѣ ничого жаль не буде, бо внати буду, що за права мого бѣдного русского народа буду терпѣла, — то менѣ славно и честно буде.

ТЕОДОРЪ: — А якъ тебе повѣсятъ, то такожъ славно тобѣ буде?

МАРТА: — Славно и честно пойду на смерть за права русского народа, бо кости мои еще за сто лѣтъ выкличутъ борцѣвъ противъ нашихъ вороговъ и выборютъ свободу для вѣчно порабощенного русского хлопа, и тогды помолятся поколѣнія надъ моею могилою и дадутъ менѣ честь за мои страданія.

ТЕОДОРЪ: — И што тобѣ съ того?

МАРТА: — А то, що русскій народъ буде свободный и богатый.

ТЕОДОРЪ: — Але ты жити не будешь!

МАРТА: — Але будутъ жити свободно милліоны русского народа, — бо така жизнь якою теперь жіеся въ ворожой неволѣ, то не жизнь, а тюрьма страданія. Вамъ що съ того, що грунту богато маете и достатокъ въ господарствѣ, але передъ ляда якимъ жандармомъ шапку въ рукахъ мусите держати, а по урядахъ въ сѣняхъ на зимнѣ по полъ

дня стояти, поки дочекаетеся панъского послухання, а курки и гуски носите каждому писарю за марну пораду. И ва тое все вамъ повѣдаютъ: хлопъ — хлопъ, глупый — быдло и такъ дальше. То вамъ славно?!

СОФІЯ: — Дайте спокой, — штосьте собѣ таку бесѣду почали? (встае изъ лавки и дивится до окна) ктось иде.

МАРТА: — (смотритъ за нею до окна) а иде, такъ якъ бы Никифоръ... (на сторон.) ахъ бѣда моя буде!

СЦЕНА III.

(Входитъ Никифоръ).

НИКИФОРЪ: — Дай Боже добрый день! (подае руку каждому).

ТЕОДОРЪ: — Дай Боже, — дай, што намъ скажежъ, просимо сѣдати.

НИКИФОРЪ: — (сѣдае) Што вамъ скажу? Отъ и самъ не знаю, бѣда тай только.

СОФІЯ: — Е — яка тамъ у васъ бѣда, хлѣба досить маете, —хату вамъ не спалили, съ худобы мало взяли на войну, всѣ сте здоровы та и бѣды нема.

НИКИФОРЪ: — Где бы тамъ мало худобы забрали. Вчера взяли оба конѣ на форшпанъ и о мало я не пойшовъ, а зерно и пашу кождый день берутъ, сколько сами хотятъ.

ТЕОДОРЪ: — Но але Богу въ рукахъ, маете еще досить всего.

СОФІЯ: — Кони взяли, але за тое двѣ пары воловъ лишилося, то и страху нема, абы було чимъ ярувати.

НИКИФОРЪ: — То правда, но всежъ человѣку жаль, што працюе на дармоѣдовъ.... (встае простуеся), но я собѣ загадавъ бесѣду инакшу, я ту не о тое прійшовъ.

ТЕОДОРЪ: — Но и штожъ таке скажешъ?

НИКИФОРЪ: — Я ту прійшовъ до васъ, пане отче, и пани матко, просити абы вы мѣ дали вашу дѣвку Марту, та кланяюся вамъ и прошу о доброе слово (кланяеся).

ТЕОДОРЪ: — Но, якъ съ войскомъ буде? Теперь война та готовы тебе взяти якъ всѣхъ берутъ.

НИКИФОРЪ: — Я реклямованый то можу женитися заразъ.

ТЕОДОРЪ: — (до Марты) Чи чуешъ дѣвче, сватае тебе человѣкъ честный, богатый и роду великого, то треба бы его пошановати.

МАРТА: — (До отца и матери) Няню и вы мамо, оставьте теперь тое сватанье и лишитъ менѣ волю, я еще не стара а теперь война, тожъ Богъ знае якъ може ся еще стати.

СОФІЯ: — Е — що тамъ война! Трафляеся тобѣ человѣкъ знатный, не треба оказіи залишати, потому Богъ знае, чи тя кто другій такій возме.

ИЗДАНІЕ В. П. ГЛАДИКА.

ВОЙНА ВЪ КАРПАТАХЪ

ДРАМА ВЪ III. АКТАХЪ.

ОБРАЗЪ

СТРАДАНІЙ И АРЕСТОВЪ РУССК. СЕЛЯНЪ ВЪ ЧАСЪ МІРОВОЙ ВОЙНЫ ВЪ ПРИКАРПАТСКОЙ РУСИ.

НАПИСАЛЪ:

АСКОЛЬДОВИЧЪ—ТАЛЕРГОФЕЦЪ.

Цѣна 25 центовъ.

1921.

Типографія „Правды" 213 N. Willow Ave., Olyphant, Pa.

ИЗДАНІЕ В. П. ГЛАДИКА.

ВОЙНА ВЪ КАРПАТАХЪ

ДРАМА ВЪ III. АКТАХЪ.

ОБРАЗЪ

СТРАДАНІЙ И АРЕСТОВЪ РУССК. СЕЛЯНЪ ВЪ ЧАСЪ МІРОВОЙ ВОЙНЫ ВЪ ПРИКАРПАТСКОЙ РУСИ.

НАПИСАЛЪ:

АСКОЛЬДОВИЧЪ—ТАЛЕРГОФЕЦЪ.

Цѣна 25 центовъ.

1921.

Типографія „Правды" 213 N. Willow Ave., Olyphant, Pa.

ДѢЙСТВУЮЩІИ ЛИЦА:

ТЕОДОРЪ ШУГАЙ, лѣтъ 60.
СОФІЯ, его жена, лѣтъ 55.
МАРТА, ихъ донька, лѣтъ 17.
ВАСИЛЬ ЩЕГОТЬ, лѣтъ 50.
МАРІЯ, его жена, лѣтъ 45.
ВАНЬО, ихъ сынъ, лѣтъ 24.
НИКИФОРЪ ЖУКОВЪ, парубокъ лѣтъ 25.
ЖИДЪ ХУНА ЛЕЙЗЕНФРЕССЕРЪ.
Оденъ австрійскій жандармъ. — Оденъ австр. офицеръ.
Оденъ ординансъ. — Оденъ австр. постъ.
Два русскіи солдаты.
Двѣ дружки. Двѣ свашки. Два старосты.

ВОЙНА ВЪ КАРПАТАХЪ

ДРАМА ВЪ III. АКТАХЪ.

Рѣчь дѣеся въ селѣ.

АКТЪ I.

СЦЕНА I.

(Сцена представляе сельскую хату, въ хатѣ столъ, кресла, лавка). Выступаютъ: Василь Щеготъ отецъ, Марія Щеготъ мати, Ваньо, ихъ сынъ яко жовнѣръ на урльопѣ. Василь сѣдитъ на лавѣ. Марія стоитъ коло стола, Ваньо сѣдитъ передъ столомъ задуманый).

ВАНЬО: — Не досить всей бѣды, еще треба буде на войну ити.

ВАСИЛЬ: — Гей Боже, Боже, были бы хотяй не арештували бѣдныхъ людей и не знати за що?

МАРІЯ: — За що? За вѣру — та война иде.

ВАНЬО: — За вѣру, тай за тое, що русскій хлопъ зачавъ просвѣщатися а панамъ то не на руку и давай его и до криминалу пхати, и вѣшати, щобы скорше отняти ему его право.

ВАСИЛЬ: — Боже мой, забрали русскихъ священниковъ,учителей, и Богъ знае, чи уже и свѣтъ зобачатъ. Гнали якъ худобу а били, мордовали, та чую, що и по дорозѣ много мучениковъ умерло. Церковь замкнена, дзвоны забрали, а ввойти до церкви сохрани Боже, бо жиды донесутъ воякамъ и маешь шибеницю, за тое щось русскій человѣкъ.

МАРІЯ: — А Фенниного арештували, а потомъ въ мѣстѣ розстрѣляли за то, що сказавъ, що дзвоны на войну забрали злодѣи.

ВАНЬО: — Онъ того не сказавъ, только злость на него мавъ той панскій лизунъ, що панского лѣса пильнуе и съ панами жіе. Не слухали плачу, ни просьбы, засудили въ вечеръ а на рано уже невинного повѣсили. (За сценою чути кроки), — ктось тутъ иде (встае, заглядае до окна), — ага! Жандармъ съ жидомъ иде, — щось то нового буде?

СЦЕНА II.

(Входитъ жандармъ съ жидомъ Хуною).

ЖАНДАРМЪ: — (остро). Гдзье тутай мацье москевське газеты и ксьонжки?

ВАСИЛЬ: — (стае съ лавки) Пане жандармъ, мы не маемъ ничъ москевского, только наше русске, то що вольно було читати (показуе книжечку изданія Общества им. Михаила Качковского).

ЖАНДАРМЪ: — Ага — то правде мувілъ панъ Хуна, же у васъ есть складъ революційныхъ ксьонжекъ, власьнье тыхъ Качковскіего,

ктуре я шукамъ, що то пшецѣвъ паньству и найяснѣйшему пану пішомъ.

ХУНА: Прошу пану вахмистръ, вунъ повядалъ, же нашъ цѣсарь ма штыри жоны, и же онъ ему піякъ, и цыганъ, и злоджей, — я на то буде присьенгалъ.

ЖАНДАРМЪ: — Такъ мувілесь злодзьею?

ВАСИЛЬ: — Нѣтъ, пане жандармъ, — разъ я не злодѣй, жію честно, вѣрую въ Бога, працюю на кавалокъ хлѣба въ потѣ чола, никому не роблю кривды, где можу, тамъ поратую ближнього, доволенъ тѣмъ, що маю, а на цѣсаря я николи ничого злого не говорывъ.

МАРІЯ: — Такого свѣдка якъ Хуна, пане комендантъ вы не слухайте, бо то наша пьявка, а що мой мужъ не пье палюнки, то за то на него жидъ злый. Самъ онъ злодѣй, бо здирае съ бѣдныхъ людей що може.

ЖАНДАРМЪ: Мільчъ бабо, я цьебье заразъ скуе и подъ сондъ военный отдамъ.

МАРІЯ: — Та за що пане комендантъ? — Кому я що злого здѣлала въ громадѣ? Жію честно, спокойно и до теперь никто злого слова не сказавъ на мене въ громадѣ.

ХУНА: — Ого, — добры вы люде, — до теперь на васъ права не было, але давъ панъ-бѣгъ война, и ваше москевске пануванье скоро закончится. Южъ капурецъ буде съ вашимъ читальня, газеты и бунты на жиды и на пропинаціе, — теперь настае наше право и зобачите чія правда на швѣтѣ буде.

МАРІЯ: — А що-жъ я вамъ злого на свѣтѣ сдѣлала, що вы такъ на мене ворогуете.

ХУНА: — Щьо? Вы ся еще спѣтаете? Вы перши идете до церкви жебы тамъ кшендзу повѣдати хто вчера бувъ въ корчма, кто палюнку пивъ, — ви перши идете до читальня, жебы тамъ повѣдати на жиды паскудны рѣчи, жебы жидъ замыкавъ жидовске склепъ и жебы отвирати хлопске торговля, бо жидъ не потребуе гроши, бо жидъ велике панъ.

МАРІЯ: — Або не правда? А що насъ губитъ якъ не горѣвка? До теперь въ вашихъ рукахъ бувъ гандель, и цѣны якіи сами хотѣлисте, такіи сте назначали, а бѣдный хлопъ мусѣлъ вамъ давати свою працю.

ХУНА: — Бо хлопъ на тое, жебы на друге робити, бо хлопъ то оно глупе, не знае ани читати, ани писати, не знае, що стоитъ въ книжкахъ писано, то оно ему пасуе только до лопата и до гной.

МАРІЯ: — А вы барзъ вченый человѣкъ, — знаете только чужіи гроши раховати.

ХУНА: — А щьо вамъ до того, я ша до ваше читальня не мѣшало, ажъ поки не прійшовъ часъ, — теперь скажу вшытко и присягну-

ти буду, якъ вы робили, абы москаля стягнути а наше цѣсарь звалити, якъ вы на представлѣня на рѣздвяны свята ажъ три царѣ показували людямъ, жебы они за московскимъ царемъ тягали.

ЖАНДАРМЪ: — Цо я слыше, ажъ на пржедставьеню цара показовалѣ, — о ты бабо пшекльента, мусѣшъ засвядчыць о вшисткихъ здрайцахъ, кторжи сьенъ тей зброднѣ до пусьцѣлѣ і нье такъ льекко выпущенъ цье я съ моихъ шпонуфъ.

ВАСИЛЬ: — Пане комендантъ, жадного царя московского никто на представленю не показувавъ, — тамъ были представлены три цари зъ востока, котріи прійшли поклонитися новонарожденному Христу.

ХУНА: — Неправда! они мали на голова короны и бороде якъ московске царь и говорили по русскье, — я добре знае на що то така комедія робиться для руссье хлопъ! Я було подъ вокно, я видѣло.

МАРІЯ: — Ты видѣвъ, але-сь видѣвъ трехъ царей съ востока и царя Ирода на представленю, але не русского царя.

ЖАНДАРМЪ: — Мньейше съ тымъ, кого видзіялъ алье видзіялъ и сами нье пржечинцье же сьцье читалі московскіе ксіонжки и газеты, васъ сье заарештуе і цала та вьесь сье спали, бо ту гняздо революційне. (Вынимае ланцушокъ, щобы сковати Василя и Марію).

ВАНЬО: — Пане комендантъ, прошу васъ, дайте родичамъ спокой, то люде спокойны цѣла громада посвѣдчитъ за ними, що они ничъ злого противъ цѣсаря ани державы не говорили.

ЖАНДАРМЪ: — Абтретенъ! Цо панъ ту робішъ!

ВАНЬО: — На урльопѣ (показуе паперы).

ЖАНДАРМЪ: — А то и ты съ тей бунтовничей фамиліи?!

ВАНЬО: — О бунтахъ моей фамиліи не знаю — а знаю только, що мы русины и що право австрійске позваляло намъ читати газеты и книжки, ажъ до войны — а тэперь виджу, що за тое право людей мучатъ и арестуютъ.

ЖАНДАРМЪ: — Мильчецъ! — Бо я и цьебье отдамъ подъ сондъ военны. (Ваньо отступае а жандармъ сковуе родичей его, которы просятся и плачутъ. Жандармъ сковавши ихъ говоритъ): „нашудъ маршъ"! (Отходятъ съ плачемъ, за ними и жидъ, остае Ваньо самъ).

ВАНЬО: — Боже мой, Боже мой! (заламуе руки заглядае до окна за родичами). Где они ихъ поведутъ? А ту ани за ними итти, бо яко войскового розстрѣляютъ, и самъ загину, и имъ не поможу. — Боже мой, ахъ Боже мой! (падае на лавку, входитъ перестрашена Марта Шугай).

МАРТА: — Ванью! Ванью! Що съ тобою сталося?

ВАНЬО: — (подноситъ голову) Ахъ сталося! Сталося горе, — горе велике, няня и маму забравъ жандармъ и Богъ знае куда повезъ.

МАРТА: — Та за що?

ВАНЬО: — За що? Спытайся ихъ. О, якъ многихъ а невинныхъ людей теперь вѣшаютъ! За що? Никто не знае. Я самъ подъ эскордою провадивъ до Талергофу трое людей съ которыхъ оденъ человѣкъ бувъ цѣлкомъ слѣпый и глухій оскаржили его вороги, що онъ дорогу подъ Горлицями козакамъ показовавъ. Другихъ двохъ было съумасшедшихъ (варіятовъ) которыи цѣлу дорогу спѣвали и тѣшилися, що ѣдутъ желѣзницею. За щожъ тѣхъ людей арестовали?

МАРТА: — Ты неимовѣрны рѣчи оповѣдаешь.

ВАНЬО: — Горко але правда.

МАРТА: — А гдежъ родичей завели?

ВАНЬО: — Ахъ! не знаю, не знаю (плаче).

МАРТА: — (обнимае Ванья). (Не плачь Ванью, — ты моя надѣя, ты моя любовь, — мое сердце дрожитъ на кажде твое нещастье, — що болитъ тебе болитъ мене, еще горше —бо я не можу тебе видѣти сумнымъ, понеже ты мой другъ досмертный, неразлучный, — никого кромѣ тебе на свѣтѣ незнаю и знати не хочу.

ВАНЬО: — (встае бере за руку Марту). Марто, Марто! моя дорога, слова твои оживляютъ во мнѣ забитое сердце, въ такъ тяжкомъ горью, яке мене передъ хвилею стрѣтило, если ты моя будешь, я еще поважусь жити, я еще перетерплю той тяжкій боль! Твоя любовь зможе мене отвернути отъ мысли съ которою я уже погодився.... я рѣшивъ лишити себе житья, если бы моимъ родичамъ сталася яка кривда.

МАРТА: — Нѣтъ друже, забуть о томъ, я твоя — твоя до смерти. Горе военное и кривда яку переживаютъ — наши любящіи себе сердця злагодятъ. Въ смутку, въ недолѣ, потѣшимо себе взаимно горячею любовью. Отъ теперь никто не буде въ состояніи насъ розлучити.

ВАНЬО: — Памятай Марто, щось сказала, ты одна змогла своею горячою любовью выдерти нещастную мою душу отъ погибели. Ты одна заступишъ менѣ любовь моихъ бѣдныхъ родичей и лагодишь той не высказанный боль, который передъ хвилею прошивъ мое сердце. Теперь пращай, я иду, може где довѣдаюся о нихъ. (отходитъ).

СЦЕНА IV.

(Входятъ Теодоръ Шугай и его жена Софія).

ТЕОДОРЪ: — Што то буде, што то буде, чи Богъ ся погнѣвавъ на бѣдныхъ людей, чи люде тому виноваты, што такъ тяжко приходится терпѣти. (сѣдае на лавку).

МАРТА: — Не спорѣкайте няню на Господа Бога, не спорѣкайте, мы еще хотяй хижу маемъ и якій такій хлѣбъ, — а дивѣтся, Щеготовымъ и хату спалили, и все зрабовали, и до того обоихъ старыхъ заарештували, въ неволю забрали, и Богъ знае чи повернутся.

СОФІЯ: Што ты кажешь? Забрали ихъ вояци? (сѣдае на кресло).

МАРТА: — Якъ-жебы нѣ? Вы ничого мамо не знаете?

СОФІЯ: — Откижъ бымъ знала? Зо страху сиджу въ дома, отъ того часу якъ вороги палили села, тай боюся кому показати, жебы где человѣка не забили.

МАРТА: — Ахъ взяли мамо, взяли старого Василя и жену его и повели ихъ Богъ внае куда!

СОФІЯ: — А за што ихъ заарештували?

ТЕОДОРЪ: — А то певно за книжки съ Общества Качковского и за русскіи газеты.

МАРТА: — За тое, —але и за тое, що Хуна ихъ оклеветавъ, що они на цѣсаря и на державу щось бесѣдовали.

ТЕОДОРЪ: — Иди, иди, — тамъ бы кто на бесѣду Хуна зважавъ, то за книжки и газеты забрали ихъ — бо не треба хлопу того, тое панове собѣ читаютъ — а не хлопъ.

МАРТА: — Якто? Хлопу уже не треба просвѣщенія? То хлопъ уже ничого не мае о свѣтѣ знати? Только на богатыхъ отъ рана до ночи працевати. Вы ся няню встыдайте вашой бесѣды. Если бысьмо ся просвѣщали якъ другіи люде, то бысьмо иначе жили и достатокъ мали; другіи народы числили бы ся съ нами, вороги не пановали бы надъ русскимъ народомъ и мы бѣдныи русины малибысьмо свои права.

ТЕОДОРЪ: — Подожди — подожди но, еще за тое што читаешъ книжечки съ общества Качковского и русску газету, пойдешъ и ты до крыминалу якъ Щеготовы пойшли.

МАРТА: — А хотяй пойду, то менѣ ничого жаль не буде, бо внати буду, що за права мого бѣдного русского народа буду тершѣла, — то менѣ славно и честно буде.

ТЕОДОРЪ: — А якъ тебе повѣсятъ, то такожъ славно тобѣ буде?

МАРТА: — Славно и честно пойду на смерть за права русского народа, бо кости мои еще за сто лѣтъ выкличутъ борцѣвъ противъ нашихъ вороговъ и выборютъ свободу для вѣчно порабощенного русского хлопа, и тогды помолятся поколѣнія надъ моею могилою и дадутъ менѣ честь за мои страданія.

ТЕОДОРЪ: — И што тобѣ съ того?

МАРТА: — А то, що русскій народъ буде свободный и богатый.

ТЕОДОРЪ: — Але ты жити не будешь!

МАРТА: — Але будутъ жити свободно милліоны русского народа, — бо така жизнь якою теперь жіеся въ ворожой неволѣ, то не жизнь, а тюрьма страданія. Вамъ що съ того, що грунту богато маете и достатокъ въ господарствѣ, але передъ ляда якимъ жандармомъ шапку въ рукахъ мусите держати, а по урядахъ въ сѣняхъ на зимнѣ по полъ

дня стояти, поки дочекаетеся паньского послухапя, а курки и гуски носите каждому писарю за марну пораду. И за тое все вамъ повѣдаютъ: хлопъ — хлопъ, глупый — быдло и такъ дальше. То вамъ славно?!

СОФІЯ: — Дайте спокой, — штосьте собѣ таку бесѣду почали? (встае изъ лавки и дивится до окна) ктось иде.

МАРТА: — (смотритъ за нею до окна) а иде, такъ якъ бы Никифоръ... (на сторон.) ахъ бѣда моя буде!

СЦЕНА III.

(Входитъ Никифоръ).

НИКИФОРЪ: — Дай Боже добрый день! (подае руку каждому).

ТЕОДОРЪ: — Дай Боже, — дай, што намъ скажежъ, просимо сѣдати.

НИКИФОРЪ: — (сѣдае) Што вамъ скажу? Отъ и самъ не знаю, бѣда тай только.

СОФІЯ: — Е — яка тамъ у васъ бѣда, хлѣба досить маете, —хату вамъ не спалили, съ худобы мало взяли на войну, всѣ сте здоровы та и бѣды нема.

НИКИФОРЪ: — Где бы тамъ мало худобы забрали. Вчера взяли оба конѣ на форшпанъ и о мало я не пойшовъ, а зерно и пашу кождый день берутъ, сколько сами хотятъ.

ТЕОДОРЪ: — Но але Богу въ рукахъ, маете еще досить всего.

СОФІЯ: — Кони взяли, але за тое двѣ пары воловъ лишилося, то и страху нема, абы було чимъ ярувати.

НИКИФОРЪ: — То правда, но всежъ человѣку жаль, што працюе на дармоѣдовъ.... (встае простуеся), но я собѣ загадавъ бесѣду инакшу, я ту не о тое прійшовъ.

ТЕОДОРЪ: — Но и штожъ таке скажешъ?

НИКИФОРЪ: — Я ту прійшовъ до васъ, пане отче, и пани матко, просити абы вы мѣ дали вашу дѣвку Марту, та кланяюся вамъ и прошу о доброе слово (кланяеся).

ТЕОДОРЪ: — Но, якъ съ войскомъ буде? Теперь война та готовы тебе взяти якъ всѣхъ берутъ.

НИКИФОРЪ: — Я реклямованый то можу женитися заразъ.

ТЕОДОРЪ: — (до Марты) Чи чуешь дѣвче, сватае тебе человѣкъ честный, богатый и роду великого, то треба бы его пошановати.

МАРТА: — (До отца и матери) Няню и вы мамо, оставьте теперь тое сватанье и лишитъ менѣ волю, я еще не стара а теперь война, тожъ Богъ знае якъ може ся еще стати.

СОФІЯ: — Е — що тамъ война! Трафляеся тобѣ человѣкъ знатный, не треба оказіи залишати, потому Богъ знае, чи тя кто другій такій возме.

МАРТА: — Чи возьме чи нѣ, я теперь отдаватися и не думаю.

СОФІЯ: — А коли-жъ? — якъ теперь нѣ, то подожди, а Никифорови отповѣсти треба.

НИКИФОРЪ: — (До Марты). Я пожду, только щобымъ знавъ, чи за мене пойдешь?

МАРТА: — Та що тебе буду зводила, скажу правду що за тебе не пойду.

НИКИФОРЪ: — А для чого то такъ?

МАРТА: — Не маю охоты, та не пойду.

СОФІЯ: — Е-е, що ты охоты не маешь, то на тое есть рада.

МАРТА: — А якажъ то рада?

ТЕОДОРЪ: — То ся тобѣ роскаже.

МАРТА: — О! няню сердцю не роскажете, а если роскажете, то цѣле житья буду на васъ плакала. (Отходитъ).

ТЕОДОРЪ: — Таке то, видишъ, теперь поколѣнья. Начиталося въ книжкахъ, та мае розумъ большій, якъ старый.

СОФІЯ: — А въ читальнѣ сходилася съ Щеготовымъ Ваньомъ, тай голову собѣ завернува нимъ бо заодно о нѣмъ и о нѣмъ бесѣду заводитъ.

ТЕОДОРЪ: — То голота, той Ваньо, голодный, босый, нагій, теперь ему забрали отца и матерь, газдовство австрійцы спалили, его заасентировали, пойде на войну, и еще дѣвчату голову завертае, — такого никто не видавъ.

НИКИФОРЪ: — Но и якжежъ буде?

ТЕОДОРЪ: — Га! Ничого теперь починати не можна, доки Ваньо не пойде на войну, доки она о немъ не забуде, — бо то видите дѣвча добре, милосердне, видитъ що хлопчиско на бѣду зойшовъ, та жалуе его и хоче его подратувати жебы собѣ зъ жалю якой бѣды не зробивъ, а еще до того залюбилося въ немъ отъ давна и трудно ей забыти.

СОФІЯ: — О, то видно не поможе теперь, треба ждати, Богъ то знае, якъ еще война закончится, кто зъ ней цѣлый выйде.

НИКИФОРЪ: — Га! Муситъ и такъ быти, якъ кажете, буду ждати, а вы менѣ выбачте, еслимъ васъ симъ образивъ, не гнѣвайтеся на мене и добрымъ словомъ памятайте. (Подае руку и отходитъ).

ТЕОДОРЪ и СОФІЯ: — Съ Богомъ, съ Богомъ. — Боже тя провади а не забывай о насъ. (Обое отправаджаютъ Никифора и вертаются — другимъ бокомъ входитъ Марта).

ТЕОДОРЪ: (До Марты). — Ты дѣвко съ твоею мудростію насъ до бѣды втягнешь, бо если бы не тоты сходины по читальняхъ, книжки и газеты, то бысь такого человѣка, якъ Никифоръ пошановати знала, а такъ теперь пойде вѣстка по селѣ, же-съ его не хотѣва, та буде ганьба и намъ и тобѣ.

МАРТА: — Що вы няню хочете, щобымъ за него пошла, его не любила, и на васъ плакала? Я думаю, що лучше я здѣлала, що честно правду ему сказала, а не зводила его. Няню, няню, лишѣтъ менѣ волю, вы хочете щобы я была щастлива, — не силуйте мене за него и васъ мамуньо благаю, не пхайте мене въ таку неволю, якъ нелюба любити.

СОФІЯ: — Дѣвко, дѣвко, — на старіи наши лѣта таку грызоту намъ робишъ, и на смѣхъ у людей выставляешь.

МАРТА: — (жалостно). — Га, якъ така ваша воля, то я васъ послухаю, але очи мои съ жалю, цѣле житья не высохнутъ.

СЦЕНА V.

(Входитъ Ваньо Щеготъ).

ВАНЬО: — Слава Іисусу Христу.

ВСѢ: — На вѣку Богу.

ТЕОДОРЪ: — (Витаются всѣ). Витай намъ, що намъ скажешъ?

ВАНЬО: Не добре скажу, бо уже и сами знаете, спалили насъ, зграбовали, забрали и няня и маму до Горлицъ и тамъ ихъ замкли въ арестъ напевно поженутъ въ Талергофъ и тамъ повѣсятъ. Ахъ Боже, Боже, гдеся подѣю..... (падае съ плачемъ на лавку).

ТЕОДОРЪ: — Повѣсятъ?! Та за що?

ВАНЬО: (жалостно): За що? Не знаете? За вѣру, за народъ бѣдный, за тое що ся просвѣщали, за тое що сами хотѣли быти людьми и другихъ до Бога и до познаня свого права приводили!

ТЕОДОРЪ: — Боже мой, Боже, што ся буде дальше робило?

СОФІЯ: — Ахъ доле-жъ наша, доле, коли-жъ твое соненько зойде?

ВАНЬО: — Мало того, мой батальонъ отходитъ на фронтъ и я въ немъ.

ТЕОДОРЪ: — Коли-жъ идешъ?

ВАНЬО: — Уже тыми днями, а мои браты, сестры — ни хаты, ни що ѣсти, голы, босы — где они ся подѣютъ, чѣмъ жити будутъ?

ТЕОДОРЪ: — Пождій но..... (звертаеся до Софіи). Мати, ходи но до коморы, та зладимо Ваньови где-што на дорогу и бѣднымъ дѣтямъ на тымчасомъ..... (обое отходятъ).

МАРТА: — (Приступае до Ванья, гладитъ его по головѣ). — Ванью, мой Ванью, не сумуй, все змѣнится, о сироты ся не турбуй, я ихъ буду доглядала, и Бога просила, щобысь здоровъ повернувъ и будешъ мой на вѣки, такъ якъ я тобѣ уже сказала.

ВАНЬО: — (Встае, бере за руку Марту). — Марто, Марто моя, твоя любовь — твое милосердне серденько, твоя чиста душа, котору ты менѣ отдала, вырвали мене съ пропасти проклятія, въ которого рамена я безъсомнѣнно бувъ бы впавъ, коли я довѣдався о страшной судьбѣ моихъ бѣдныхъ родителей. За ихъ невинну смерть я бувъ бы

велику помсту нанесъ ворогамъ русского народа а и самъ я бувъ бы пропавъ для Бога и людей, но любовь твоя искренна, чиста и щира задержала намѣренія заумерлого сердця мого, злагодила дикость его, пригадала менѣ твою покору и я боячись, щобымъ тебе не утративъ, заплакавъ горько и навернувъ мои мысли до тебе.

МАРТА: — Ванью дорогій! Ничого на свѣтѣ не хочу, только тебе, моя думка, то ты оденъ, въ моихъ молитвахъ всегда прошу Бога за тобою, — будешь менѣ вѣрный? Чи не забудешь мене?.....

ВАНЬО: (Обнимае Марту). — Ты моя..... если я тебе забуду, то нехай мене забуде Богъ. (КУРТИНА СПАДАЕ).

АКТЪ II.

СЦЕНА VI.

(Свѣтлиця тота сама, представляе квартиру войскову — выступае австр. офицеръ съ ординансомъ. Офицеръ сидитъ при столѣ, пье чай).

ОФИЦЕРЪ: (До ординанса который чиститъ его рѣчи). — Ту семъ добра квартира есть.

ОРДИНАНСЪ: — Я! Пане лейтнантъ.

ОФИЦЕРЪ: А видѣлъ ты ту дѣвку? То семъ штѣкъ (цмокае).....а..... то разъ дѣвка — заволай ей ту!

ОРДИНАНСЪ: Заразъ, пане лейтнантъ, (отходитъ. За хвилю вертаесь ординансъ, а за нимъ Марта).

ОФИЦЕРЪ: (до Марты): — Послухай но дзевечко, мате вы ту бутеръ — бутеръ, то цо се на хлѣбъ смаруе.

ОРДИНАНСЪ: — Масло — масло.

ОФИЦЕРЪ: — Я! Масло — масло.

МАРТА: — Маемъ.

ОФИЦЕРЪ: — А то шшіньесъ.

(Марта отходитъ).

ОФИЦЕРЪ: (до ординанса): Ты ідь венъ, я ту зъ голькомъ буду мувіцъ. (Встае, ходитъ по хатѣ, заглядае на поличку где суть книжки и газеты, — бере до рукъ, оглядае. Входитъ Марта).

ОФИЦЕРЪ: (До Марты) — А то ті знашь чітацъ?

МАРТА: — Такъ, знаю.

ОФИЦЕРЪ: — Вшакъ то русішь пісано!

МАРТА: — Такъ, по русски.

ОФИЦЕРЪ: — А то вольно чітацъ?

МАРТА: Якъ бы не вольно то я бы не читава.

ОФИЦЕРЪ: (Приближаеся до Марты, хоче ю обняти, — она его отпыхае отъ себе, хоче ей поцѣловати, она не даесь): Но, но, нье бойса, я тебе возму зо мномъ а пакъ се съ тобо ожені. — ферштанденъ?

МАРТА: — Я васъ не хочу! (Отпыхае его).

ОФИЦЕРЪ: — (Все еще хоче ю обняти). Не бой се, ті будешь пані, будешь се одівать на паньску моду, я тье купѣмъ капелюшь, желті буты, бьелы гандушкі и парасольку.

МАРТА: — За кого вы мене маете (остро), глядайте собѣ панѣ до своей компаніи, а не мене селянску дѣвчину, я не знаю паньства и паньскихъ забавокъ не хочу (хоче отойти).

ОФИЦЕРЪ: (Придержуе Марту за рукавъ). — Такъ! То ті се не дашь?! Почкай ті сакраментеска! (Кличе): Ординансъ, ординансъ!

ОРДИНАНСЪ: (Влѣтае) Гиръ!

ОФИЦЕРЪ: (До него) Заволай ту поста!

ОРДИНАНСЪ: — Слухаю, пане лейтнантъ. (Марта выдераесь).

ОФИЦЕРЪ: — Почекай ті мушка, не хцешь зе мновъ шпіставацъ, я тебе кажу повѣсить за те московске кніжкі.

МАРТА: (остро). — То повѣсъ! А тебе скарае Богъ за мене и за русскій народъ, я приставати съ такимъ звѣромъ не буду. Глядай собѣ такой якъ ты самъ!

ОФИЦЕРЪ: Швайгъ ду гадра!

МАРТА: О, ты звѣрю!

(Входитъ ординансъ зъ постомъ узброеннымъ — постомъ есть Ваньо Щеготъ).

ОФИЦЕРЪ: (до ординанса). Дай ту кайданки! (Ординансъ вытягае изъ торбы кайданки, сковуе Марту). Ті постъ будешь ту чекалъ, — по ню пшіде шандаръ и до суду военнего ю запровадьи, а ті везнешь тоты кніжки (показуе на поличку) и понесешь за ньомъ, ферштанденъ?! Пильнуй ей абы нье утьекла.

ПОСТЪ: (Розумѣю, пане лейтнантъ (Скована плачучу Марту саджаютъ на лавку).

ОФИЦЕРЪ: (до ординанса): Подъ семь за мновъ (отходятъ оба).

(По отходѣ офицера, постъ поглянулъ до окна, махнувши рукою, знимае изъ себе карабинъ, приступае до скованой Марты клякае передъ нею):

ПОСТЪ: Марто моя, Марто дорога — судьба опредѣлила менѣ стеречи тебе, моего найдорожшого друга и ангела, ты избавила мою жизнь отъ загибели, если я теперь не буду въ силѣ освободити тебе изъ кайдановъ, такъ перша куля зъ моего карабина попаде въ грудь того звѣря, а друга въ мою. Марто, дай цѣловати кайданы, котрыми скованы твои рученьки за русское дѣло. (Цѣлуе). Ахъ все одно, роскую тебе и пущу на волю хотяй за тое я и розстрѣляный буду (росковуе).

МАРТА: Ванью, Ванью! Оставъ тое! Дорогій мой оставъ! Що буде то буде, я не можу за мою свободу отдати тебе на паству ворогамъ. Лиши, прошу тебе, лиши кайданы — я хочу, хочу умерти за Русь..... за рѣру..... Ванью! Ты мой на вѣки вѣрный другъ, — ты будешь щиро молитися за мною.

СЦЕНА VII.

(За сценою чути стрѣлы. Входять Теодоръ и Софія — перестрашены).

СОФІЯ: (Заломуе руки). — Дитя мое, Марто бѣдна, теперь коли тебе видку въ такой бѣдѣ, уже и менѣ конецъ прійде (плаче — за сценою чути стрѣлы).

ПОСТЪ: — Тихо, тихо, русскіи войска наступаютъ, австріяки утѣкаютъ, скоро збирайтеся, бо Богъ знае, чи не надбѣжитъ жандармъ и еще въ послѣдной хвилѣ може забрати Марту. (Бере за руку Марту и выпроваджае — она радо за нимъ уходитъ).

СОФІЯ: — Ахъ кобы хотяй где въ дорозѣ не здыбалися съ жандармомъ.

ТЕОДОРЪ: Боже, подъ Твое покровительство отдаю бѣдны дѣти. (Чути стрѣлы щоразъ близше).

СОФІЯ: (Заглядае до окна) Дивися, дивися, русскіи войска уже на Петровой луцѣ — а нашіи утѣкаютъ верхъ перелоговъ поповскихъ.

ТЕОДОРЪ: (Заглядае за нею и обертаесь скоро отъ окна): Та ту жандариско иде, сховаймося, або втѣчмо обое!

СОФІЯ: — Чого? Що буде то буде. Теперь и сховатись нема где.

СЦЕНА VIII. (Входитъ жандармъ).

ЖАНДАРМЪ: Постъ! Постъ! Іоганъ Щеготъ, а гдзье Марта Шугай?!

ТЕОДОРЪ: Пане жандармъ, ту не было никого, только мы сами стары обое.

ЖАНДАРМЪ: Не правда, ту мамъ взьонсьць Маріе Шугай скутомъ въ кайданы и одпровадьіць на сондъ военны, а жесьцье іомъ сховалі, то я васъ скуе и везме за ньомъ. (Вынимае кайданки и хоче скувати. За сценою чути шопотъ).

ТЕОДОРЪ и СОФІЯ: (Падаютъ на колѣна передъ жандармомъ и жалостно просятъ): — Пане, пане, та за що насъ брати — мы люде невинны, — пане жандармъ будьте милосердны.

ЖАНДАРМЪ: Нье поможе ани Панье Боже (Сковуе. — Впадаютъ два русскіи солдаты, хватаютъ жандарма за шиворотъ).

СОЛДАТЪ: Что ты здѣсь дѣлаешь?!

СОФІЯ: О Боже великій!

ЖАНДАРМЪ: (Перестрашеный) — Я въ службье естемъ и мамъ ихъ арештоваць!

СОЛДАТЪ: — А ты бродяга, ты сволочь! Старыхъ русскихъ мужиковъ пришелъ мучить? Пойдешь теперь, ты сволочь съ нами! (Отбираютъ карабинъ, показуютъ въ двери): Ступай скотина! (До Теодора и Софіи): А вы спокойно оставайтесь здѣсь. (Отходятъ солдаты и жандармъ. Остаются Теодоръ и Софія — перестрашены ходятъ мовчки по хатѣ. — Входитъ потихоньку Ваньо (постъ) веде за руку Марту).

ВАНЬО: (До родичей Марты): — Не бойтеся, русскіи войска заняли наше село, австріяки уже певно на венгерской сторонѣ.

ТЕОДОРЪ: Якъ вы ту ся достали, мои дѣти? Где вы были за той страшный часъ?

ВАНЬО: Не пытайтеся, Богу дякувати щосьмо живы.

МАРТА: Скоро Ваньо мене выпровадилъ зъ хаты, наткнулисьмося на отдѣлъ австрійского войска, который въ поплоху безъ порядку утѣкавъ передъ наступающими русскими войсками.

ВАНЬО: Тамъ за горбкомъ на луцѣ Прокопа еще ставляли сильный опоръ и чути было росказы войсковы и съ оттамъ навѣрно выславъ той офицеръ жандарма, который не сподѣваючися, що зъ другой стороны села русскіи напираютъ, тай войшолъ смѣло до хаты по Марту.

СОФІЯ: Но але то Господь иначе загаздувавъ.

ТЕОДОРЪ: Богу слава! Тепер мой любый Ваньо, Богъ великій нехай тобѣ вынадгородитъ за щире добре твое сердце, бо если бы не ты, та певно бы Марта не жила а и мы пошлибысьмо тамъ где твои родичи.

ВАНЬО: Бѣда васъ чекала велика. Я слѣдивъ за тѣмъ, що ся съ вами робитъ, хотяй съ одной стороны боявся за Марту, и уважавъ якъ и где ховатися передъ войсками, — съ другой стороны на совѣсти я мавъ васъ — але давъ Богъ, спасеніе. Лишивъ я Марту въ колешнѣ Максимовой — а самъ побѣгъ въ сторону вашой хаты, увидѣвъ якъ жандармъ звернувъ до васъ, — въ перестраху, щобы васъ не скувавъ и не забравъ съ удирающимъ войскомъ, я чимъ тху погнавъ на замлыньскій горбочокъ где русскіи стояли, оповѣвъ коротко поручику его роты о що ся росходитъ, и онъ сейчасъ выправивъ двохъ солдатъ зо мною до вашой хаты, передъ хатою я опустивъ ихъ — они войшли за жандармомъ, а я побѣгъ до колешнѣ по Марту, где-мъ ю съ перестраху дрожащу, ледво живу заставъ, взявъ за руки и ту вамъ ю отдаю.

СОФІЯ: Сыну нашь — спасителю нашь миленькій, чѣмъ вынадгородимо тобѣ твое милосердіе — та мы бысьмо ани одно уже и свѣта Божого не бачили, если бысь ты намъ въ пору не прійшовъ съ помочью.

ВАНЬО: Ничого отъ васъ не хочу, — то бувъ мой обовязокъ. але Марта уже не буде ваша, только моя.

ТЕОДОРЪ: А! Уже и такъ должно бути, ты ей собѣ выратувавъ, то уже и твоя нехай буде.

МАРТА: Татуню и вы мамуню, я Ванья давно любила и онъ мене, но я боялася вамъ сказати, бо Ваньо съ бѣдного роду паробокъ, — а вы смотрѣли за богатымъ.

СОФІЯ: — Такій то, видишь дѣвче, у насъ звычай бувъ — а теперь война зарядила иначе, и мы щастливы, що такъ ся стало.

МАРТА: Видите, самъ Господь помагае менѣ бути женою того которого я любила, чи не вартъ Ваньо того?

ТЕОДОРЪ: Ой вартъ онъ, вартъ того, але вартуешь и ты его, бо якъ виджу, щиро его любишь.

МАРТА: (До родичей): Няню и вы мамуню поблагословѣтъ насъ теперь, бо то часъ военный и Богъ знае якъ еще буде.

ВАНЬО: На войну уже не пойду — бо войска австрійскіи далеко за горами, вы люде стары — якъ видите трудно вамъ самымъ газдовати и такъ васъ лишити, а якъ ся заразъ поберемо, то поволи и господарство на ноги стане, и вы отжіете. Благословите насъ. (Клякаютъ передъ родичами).

АКТЪ III.

СЦЕНА IX.

(Свѣтлиця устроена по весѣльному, столъ, лавки, и т. д. Теодоръ, Софія и свашки накриваютъ столъ, зносятъ ѣдло, вино фляшки и т. д).

СОФІЯ: Що ино не видно нашихъ зъ церкви.

СВАШКА: И такъ долго якось забавляются.

ТЕОДОРЪ: А чути спѣвъ — певно идутъ.

СОФІЯ: И такъ бачите, дѣвча поставило на своимъ, полюбило Ванья, та хотяй и трафлялися люде богатшіи не пойде и вже— правда Ваньо хлопчиско красный и честный а любитъ Марту, що и житье бы за ню далъ — а она? Она хотяй бы и на край свѣта за нимъ пошла.

СВАШКА: Пара то съ нихъ, пара буде..... якъ двое очей.

СОФІЯ Ничъ и Никифорови не бракуе, а до того тамъ богатство.

СВАШКА: Та що съ того що богатство, коли то не рухливе, не веселе, не цѣкаве, ни то до читальнѣ, ни газеты не прочитае якъ то другіи, ино дома, та дома..... все бери ино мене лишай, а дѣвча живе якъ струна, та полюбило такого якъ сама. Лѣпшеся стало, бо были бысте спорѣкали якъ бы ся побрали зъ Никифоромъ, то разъ такъ якъ бы кота съ псомъ запрягъ до роботы.

СОФІЯ: Правду, святу правду кажете, такъ побралися кумъ Андрій зъ свахою Матроною и уже 18 лѣтъ якъ конця бѣдѣ у нихъ не видно.

СВАШКА: Ой нема, нема кумонько..... ганьба въ дома..... а въ селѣ смѣхъ.

ТЕОДОРЪ: Не дай Боже такого малженства, еще якось недавно, прійшовъ кумъ Андрій съ ярмарку отъ съ жарту щось тамъ сказавъ..... и не розбила ему жена каменный сивакъ на головѣ? Але ся покарала, бо въ горци были круды, она ихъ не бачила — та всьо по смѣтью ся розбрызло. Баба увидѣвши тое, дрій собѣ волося зъ головы, а кумъ въ ноги, и пропавъ съ очей бабѣ. Таке малженство то чиста кара Божа.

СОФІЯ: А видишъ, такой добре ся стало, же-сьмо не силовали Марту за Никифора.

ТЕОДОРЪ: Ба, ба, теперь повѣдаешь, а якъ до рѣчи ишло, то такой, такой, щось не перемогла на свое.

СОФІЯ: Та, кто-жъ могъ знати, що исторія такъ ся оберне, — а то чуете, той хлопчиско знавъ, насъ съ такой бѣды выграмуляти.

ТЕОДОРЪ: Дай му Боже здоровье за тое.

(Свашки выходятъ, за сценою музыка грае, весѣльніи входятъ на сцену, спѣваютъ).

Выйди мамонько зо свѣтлицѣ Выйди мамонько зо свѣтлицѣ
Почестуй дитя зъ склянницѣ, Не честуй же его ледомъ,
Но солодонькимъ медомъ.....

(До весѣльныхъ приступаютъ Теодоръ и Софія съ хлѣбомъ и солею, честуютъ виномъ молодята. Свашки тримаютъ коровой. Музыка перестае грати).

СВАШКИ: Пріймитъ пани матко весѣльный дарунокъ отъ насъ.

СОФІЯ: (Принимае коровой). Спаси Богъ, Спаси Богъ за хорошій дарунокъ (подноситъ коровай высше головы, обертаеся зъ нимъ 3 разы, а музыка грае многолѣтствіе, гостѣ тымъ часомъ розсѣдаются поза столомъ. Софія кладе коровай на столъ).

ТЕОДОРЪ: (До Ванья — наливае вино). Честный молодче Ванью — зятю мой миленькій, коли Господь далъ тобѣ тую ласку, щось выдеръ Марту зъ рукъ вороговъ, нехай же-жъ она твоя буде..... Жійте въ згодѣ и любови, а всегда памятайте на одно, що есть надъ вами и надъ вашими дѣлами Богъ отъ которого цѣле ваше житья и спасеніе зависимо. Стережите его заповѣди и творѣтъ его волю а добре вамъ буде. Пью за ваше здоровье дай вамъ Боже прожити многіи лѣта. (Музыка грае многолѣтствіе. — Теодоръ пье самъ, наливаючи Ваньови и Мартѣ. Весѣльніи гости честуются сами. Музыка устае грати. Гости спѣваютъ „Многая лѣта").

ВАНЬО: (до родителей): Дорогіи панъ отецъ и пани матко: Боже вамъ заплатъ за ваше добре серце, що сте менѣ дали вашу доньку за жену, тую котору я давно щиро полюбивъ. Если Богъ намъ дасть здоровя и житья, я буду знавъ сповнити Его волю, а васъ якъ родичей шанувати, теперь позвольте выпити за здоровье васъ обоихъ и всѣхъ милыхъ гостей. (Музыка грае многолѣтствіе а гостѣ выпиваютъ — честуются сами).

СТАРОСТА: Теперь позвольте менѣ господарю и вы молодята высказати мои чувтсва радости взглядомъ васъ и честныхъ гостей и поднести тую чашу на славу и благо русского народа. Да живетъ и крѣпне святая Русь. Гостѣ спѣваютъ многая лѣта. Послѣ музыка зачинае грати танецъ, гостѣ гуляютъ хвилю — куртина спадае).

(КОНЕЦЪ).

Ґригорій КУНАШЕВСКІЙ

Представитель всѣхъ Пароходныхъ Линій.

АГЕНЦІЯ ЗАЛОЖЕНА въ 1910 г.

ШИФКАРТЫ ДО КРАЮ

черезъ Антверпъ, Бременъ, Гамбургъ, Роттердамъ, и Тріестъ на найлучшихъ и найскоршихъ пароходахъ.

ХОРОШУЮ ОПѢКУ ДАЕМО ДЛЯ РОДИНЪ

Пересылка и вымѣна грошей по денному курсѣ.
Выѣзжающихъ до краю не змушуемо до вымѣны грошей.

По всѣ информаціи, а также за апликаціями на паспорты удавайтесь до извѣстного агента

ГРИГОРІЯ КУНАШЕВСКОГО, на адресъ:

G. KUNASHEVSKY, 179 E. 3rd ST., NEW YORK

За совѣстную и честную обслугу получилъ подяку отъ многихъ Надѣюсь что задоволю и Васъ.

ВОННА ВЪ КАРРАТ

Yerovcd
12/11/93

#155

МАРТА: — Чи возьме чи нѣ, я теперь отдаватися и не думаю.

СОФІЯ: — А коли-жъ? — якъ теперь нѣ, то подожди, а Никифорови отповѣсти треба.

НИКИФОРЪ: — (До Марты). Я пожду, только щобымъ знавъ, чи за мене пойдешь?

МАРТА: — Та що тебѣ буду зводила, скажу правду що за тебе не пойду.

НИКИФОРЪ: — А для чого то такъ?

МАРТА: — Не маю охоты, та не пойду.

СОФІЯ: — Е-е, що ты охоты не маешь, то на тое есть рада.

МАРТА: — А якажъ то рада?

ТЕОДОРЪ: — То ся тобѣ роскаже.

МАРТА: — О! няню сердцю не роскажете, а если роскажете, то цѣле житья буду на васъ плакала. (Отходитъ).

ТЕОДОРЪ: — Таке то, видишъ, теперь поколѣнья. Начиталося въ книжкахъ, та мае розумъ большій, якъ старый.

СОФІЯ: — А въ читальнѣ сходилася съ Щеготовымъ Ваньомъ, тай голову собѣ завернува нимъ бо заодно о нѣмъ и о нѣмъ бесѣду заводитъ.

ТЕОДОРЪ: — То голота, той Ваньо, голодный, босый, нагій, теперь ему забрали отца и матерь, газдовство австрійцы спалили, его засентировали, пойде на войну, и еще дѣвчату голову завертае, — такого никто не видавъ.

НИКИФОРЪ: — Но и якжежъ буде?

ТЕОДОРЪ: — Га! Ничого теперь починати не можна, доки Ваньо не пойде на войну, доки она о немъ не забуде, — бо то видите дѣвча добре, милосердне, видитъ що хлопчиско на бѣду зойшовъ, та жалуе его и хоче его подратувати жебы собѣ съ жалю якой бѣды не зробивъ, а еще до того залюбилося въ немъ отъ давна и трудно ей забыти.

СОФІЯ: — О, то видно не поможе теперь, треба ждати, Богъ то знае, якъ еще война закончится, кто зъ ней цѣлый выйде.

НИКИФОРЪ: — Га! Муситъ и такъ быти, якъ кажете, буду ждати, а вы менѣ выбачте, еслимъ васъ симъ образивъ, не гнѣвайтеся на мене и добрымъ словомъ памятайте. (Подае руку и отходитъ).

ТЕОДОРЪ и СОФІЯ: — Съ Богомъ, съ Богомъ. — Боже тя провади а не забывай о насъ. (Обое отправаджаютъ Никифора и вертаютося — другимъ бокомъ входитъ Марта).

ТЕОДОРЪ: (До Марты). — Ты дѣвко съ твоею мудростію насъ до бѣды втягнешь, бо если бы не тоты сходины по читальняхъ, книжки и газеты, то бысь такого человѣка, якъ Никифоръ пошановати знала, а такъ теперь пойде вѣстка по селѣ, же-съ его не хотѣва, та буде ганьба и намъ и тобѣ.

МАРТА: — Що вы няню хочете, щобымъ за него пошла, его не любила, и на васъ плакала? Я думаю, що лучше я здѣлала, що честно правду ему сказала, а не зводила его. Няню, няню, лишѣтъ менѣ волю, вы хочете щобы я была щастлива, — не силуйте мене за него и васъ мамуньо благаю, не пхайте мене въ таку неволю, якъ нелюба любити.

СОФІЯ: — Дѣвко, дѣвко, — на старіи наши лѣта таку грызоту намъ робишъ, и на смѣхъ у людей выставляешь.

МАРТА: — (жалостно). — Га, якъ така ваша воля, то я васъ послухаю, але очи мои съ жалю, цѣле житья не высохнутъ.

СЦЕНА V.

(Входитъ Ваньо Щеготъ).

ВАНЬО: — Слава Іисусу Христу.

ВСѢ: — На вѣку Богу.

ТЕОДОРЪ: — (Витаются всѣ). Витай намъ, що намъ скажешь?

ВАНЬО: Не добре скажу, бо уже и сами знаете, спалили насъ, зграбовали, забрали и няня и маму до Горлицъ и тамъ ихъ замкли въ аресть напевно поженутъ въ Талергофъ и тамъ повѣсятъ. Ахъ Боже, Боже, гдеся подѣю..... (падае съ плачемъ на лавку).

ТЕОДОРЪ: — Повѣсятъ?! Та за що?

ВАНЬО: (жалостно): За що? Не знаете? За вѣру, за народъ бѣдный, за тое що ся просвѣщали, за тое що сами хотѣли быти людьми и другихъ до Бога и до познаня свого права приводили!

ТЕОДОРЪ: — Боже мой, Боже, што ся буде дальше робило?

СОФІЯ: — Ахъ доле-жъ наша, доле, коли-жъ твое соненько зойде?

ВАНЬО: — Мало того, мой батальонъ отходитъ на фронтъ и я въ немъ.

ТЕОДОРЪ: — Коли-жъ идешь?

ВАНЬО: — Уже тыми днями, а мои браты, сестры — ни хаты, ни що ѣсти, голы, босы — где они ся подѣютъ, чѣмъ жити будутъ?

ТЕОДОРЪ: — Пождій но..... (звертаеся до Софіи). Мати, ходи но до коморы, та зладимо Ваньови где-што на дорогу и бѣднымъ дѣтямъ на тымчасомъ..... (обое отходятъ).

МАРТА: — (Приступае до Ваньа, гладитъ его по головѣ). — Ванью, мой Ванью, не сумуй, все змѣнится, о сироты ся не турбуй, я ихъ буду доглядала, и Бога просила, щобысь здоровъ повернувъ и будешь мой на вѣки, такъ якъ я тобѣ уже сказала.

ВАНЬО: — (Встае, бере за руку Марту). — Марто, Марто моя, твоя любовь — твое милосердне серденько, твоя чиста душа, котору ты менѣ отдала, вырвали мене съ пропасти проклятія, въ которого рамена я безъсомнѣнно бувъ бы впавъ, коли я довѣдався о страшной судьбѣ моихъ бѣдныхъ родителей. За ихъ невинну смерть я бувъ бы

велику помсту нанесъ ворогамъ русского народа а и самъ я бувъ бы пропавъ для Бога и людей, но любовь твоя искренна, чиста и щира задержала намѣренія заумерлого сердця моего, злагодила дикость его, пригадала менѣ твою покору и я боячись, щобымъ тебе не утративъ, заплакавъ горько и навернувъ мои мысли до тебе.

МАРТА: — Ванью дорогій! Ничого на свѣтѣ не хочу, только тебе, моя думка, то ты оденъ, въ моихъ молитвахъ всегда прошу Бога за тобою, — будешь менѣ вѣрный? Чи не забудешь мене?....

ВАНЬО: (Обнимае Марту). — Ты моя..... если я тебе забуду, то нехай мене забуде Богъ. (КУРТИНА СПАДАЕ).

АКТЪ II.

СЦЕНА VI.

(Свѣтлиця тота сама, представляе квартиру войскову — выступае австр. офицеръ съ ординансомъ. Офицеръ сидитъ при столѣ, пье чай).

ОФИЦЕРЪ: (До ординанса который чиститъ его рѣчи). — Ту семъ добра квартира есть.

ОРДИНАНСЪ: — Я! Пане лейтнантъ.

ОФИЦЕРЪ: А видѣлъ ты ту дѣвку? То семъ штѣкъ (цмокае).....а..... то разъ дѣвка — заволай ей ту!

ОРДИНАНСЪ: Заразъ, пане лейтнантъ, (отходитъ. За хвилю вертаесь ординансъ, а за нимъ Марта).

ОФИЦЕРЪ: (до Марты): — Послухай но дзевечко, мате вы ту бутеръ — бутеръ, то цо се на хлѣбъ смаруе.

ОРДИНАНСЪ: — Масло — масло.

ОФИЦЕРЪ: — Я! Масло — масло.

МАРТА: — Маемъ.

ОФИЦЕРЪ: — А то шшіньесъ.

(Марта отходитъ).

ОФИЦЕРЪ: (до ординанса): Ты ідь венъ, я ту зъ голькомъ буду мувіцъ. (Встае, ходитъ по хатѣ, заглядае на полички где суть книжки и газеты, — бере до рукъ, оглядае. Входитъ Марта).

ОФИЦЕРЪ: (До Марты) — А то ті знашь чітацъ?

МАРТА: — Такъ, знаю.

ОФИЦЕРЪ: — Вшакъ то русішь пісано!

МАРТА: — Такъ, по русски.

ОФИЦЕРЪ: — А то вольно чітацъ?

МАРТА: Якъ бы не вольно то я бы не читава.

ОФИЦЕРЪ: (Приближаеся до Марты, хоче ю обняти, — она его отпыхае отъ себе, хоче ей поцѣловати, она не даесь): Но, но, нье бойса, я тебе возму зо мномъ а пакъ се съ тобо ожені, — ферштанденъ?

МАРТА: — Я васъ не хочу! (Отпыхае его).

ОФИЦЕРЪ: — (Все еще хоче ю обняти). Не бой се, ті будешь пані, будешь се одівать на паньску моду, я тье купѣмъ капелюшь, желті буты, бьелы гандушкі и парасольку.

МАРТА: — За кого вы мене маете (остро), глядайте собѣ панъ до своей компаніи, а не мене селянску дѣвчину, я не знаю паньства и паньскихъ забавокъ не хочу (хоче отойти).

ОФИЦЕРЪ: (Придержуе Марту за рукавъ). — Такъ! То ті се не дашь?! Почкай ті сакраментеска! (Кличе): Ординансъ, ординансъ!

ОРДИНАНСЪ: (Влѣтае) Гиръ!

ОФИЦЕРЪ: (До него) Заволай ту поста!

ОРДИНАНСЪ: — Слухаю, пане лейтнантъ. (Марта выдераесь).

ОФИЦЕРЪ: — Почекай ті мушка, не хцешь зе мновъ пшіставацъ, я тебе кажу повѣсить за те московске кніжкі.

МАРТА: (остро). — То повѣсъ! А тебе скарае Богъ за мене и за русскій народъ, я приставати съ такимъ звѣромъ не буду. Глядай собѣ такой якъ ты самъ!

ОФИЦЕРЪ: Швайтъ ду гадра!

МАРТА: О, ты звѣрю!

(Входитъ ординансъ зъ постомъ узброеннымъ — постомъ есть Ваньо Щеготъ).

ОФИЦЕРЪ: (до ординанса). Дай ту кайданки! (Ординансъ вытягае изъ торбы кайданки, сковуе Марту). Ті постъ будешь ту чекалъ, — по ню пшіде шандаръ и до суду военнего ю запровадьи, а ті везнешь тоты кніжки (показуе на поличку) и понесешь за ньомъ, ферштанденъ?! Пильнуй ей абы нье утьекла.

ПОСТЪ: (Розумѣю, пане лейтнантъ (Сковану плачуччу Марту саджаютъ на лавку).

ОФИЦЕРЪ: (до ординанса): Подъ семь за мновъ (отходятъ оба).

(По отходѣ офицера, постъ поглянулъ до окна, махнувши рукою, знимае изъ себе карабинъ, приступае до скованой Марты клякае передъ нею):

ПОСТЪ: Марто моя, Марто дорога — судьба опредѣлила менѣ стеречи тебе, моего найдорожшого друга и ангела, ты избавила мою жизнь отъ загибели, если я теперь не буду въ силѣ освободити тебе изъ кайдановъ, такъ перша куля зъ моего карабина попаде въ грудь того звѣря, а друга въ мою. Марто, дай цѣловати кайданы, котрыми скованы твои рученьки за русское дѣло. (Цѣлуе). Ахъ все одно, роскую тебе и пущу на волю хотяй за тое я и розстрѣляный буду (росковуе).

МАРТА: Ванью, Ванью! Оставъ тое! Дорогій мой оставъ! Що буде то буде, я не можу за мою свободу отдати тебе на ласту ворогамъ. Лиши, прошу тебе, лиши кайданы — я хочу, хочу умерти за Русь.... за рѣру.... Ванью! Ты мой на вѣки вѣрный другъ, — ты будешь щиро молитися за мною.

СЦЕНА VII.

(За сценою чути стрѣлы. Входятъ Теодоръ и Софія — перестрашены).

СОФІЯ: (Заломуе руки). — Дитя мое, Марто бѣдна, теперь коли тебе виджу въ такой бѣдѣ, уже и менѣ конецъ прійде (плаче — за сценою чути стрѣлы).

ПОСТЪ: — Тихо, тихо, русскіи войска наступаютъ, австріяки утѣкаютъ, скоро збирайтеся, бо Богъ знае, чи не надбѣжитъ жандармъ и еще въ послѣдной хвилѣ може забрати Марту. (Бере за руку Марту и выпроваджае — она радо за нимъ уходитъ).

СОФІЯ: — Ахъ кобы хотяй где въ дорозѣ не здыбалися съ жандармомъ.

ТЕОДОРЪ: Боже, подъ Твое покровительство отдаю бѣдны дѣти. (Чути стрѣлы щоразъ близше).

СОФІЯ: (Заглядае до окна) Дивися, дивйся, русскіи войска уже на Петровой луцѣ — а нашіи утѣкаютъ верхъ перелоговъ поповскихъ.

ТЕОДОРЪ: (Заглядае за нею и обертаесь скоро отъ окна): Та ту жандариско иде, сховаймося, або втѣчмо обое!

СОФІЯ: — Чого? Що буде то буде. Теперь и сховатись нема где.

СЦЕНА VIII. (Входитъ жандармъ).

ЖАНДАРМЪ: Постъ! Постъ! Іоганъ Щеготъ, а гдзье Марта Шугай?!

ТЕОДОРЪ: Пане жандармъ, ту не было никого, только мы сами стары обое.

ЖАНДАРМЪ: Не правда, ту мамъ взьонсьць Маріе Шугай скутомъ въ кайданы и одпровадьіць на сондъ военны, а жесьцье іомъ сховалі, то я васъ скуе и везме за ньомъ. (Вынимае кайданки и хоче скувати, За сценою чути шопотъ).

ТЕОДОРЪ и СОФІЯ: (Падаютъ на колѣна передъ жандармомъ и жалостно просятъ): — Пане, пане, та за що насъ брати — мы люде певинны, — пане жандармъ будьте милосердны.

ЖАНДАРМЪ: Нье поможе ани Панье Боже (Сковуе. — Впадаютъ два русскіи солдаты, хватаютъ жандарма за шиворотъ).

СОЛДАТЪ: Что ты здѣсь дѣлаешь?!

СОФІЯ: О Боже великій!

ЖАНДАРМЪ: (Перестрашеный) — Я въ службье естемъ и мамъ ихъ арештоваць!

СОЛДАТЪ: — А ты бродяга, ты сволочь! Старыхъ русскихъ муликовъ пришелъ мучить? Пойдешь теперь, ты сволочь съ нами! (Отбираютъ карабинъ, показуютъ въ двери): Ступай скотина! (До Теодора и Софіи): А вы спокойно оставайтесь здѣсь. (Отходятъ солдаты и жандармъ. Остаются Теодоръ и Софія — перестрашены ходятъ мовчки по хатѣ. — Входитъ потихоньку Ваньо (постъ) веде за руку Марту).

ВАНЬО: (До родичей Марты): — Не бойтеся, русскіи войска заняли наше село, австріяки уже певно на венгерской сторонѣ.

ТЕОДОРЪ: Якъ вы ту ся достали, мои дѣти? Где вы были за той страшный часъ?

ВАНЬО: Не пытайтеся, Богу дякувати щосьмо живы.

МАРТА: Скоро Ваньо мене выпровадилъ зъ хаты, наткнулисьмося на отдѣлъ австрійского войска, который въ поплоху безъ порядку утѣкавъ передъ наступающими русскими войсками.

ВАНЬО: Тамъ за горбкомъ на луцѣ Прокопа еще ставляли сильный опоръ и чути было росказы войсковы и съ оттамъ навѣрно выславъ той офицеръ жандарма, который не сподѣваючися, що зъ другой стороны села русскіи напирають, тай войшолъ смѣло до хаты по Марту.

СОФІЯ: Но але то Господь иначе загаздувавъ.

ТЕОДОРЪ: Богу слава! Теперь мой любый Ваньо, Богъ великій нехай тобѣ вынадгородитъ за щире добре твое сердце, бо если бы не ты, та певно бы Марта не жила а и мы пошлибысьмо тамъ где твои родичи.

ВАНЬО: Бѣда васъ чекала велика. Я слѣдивъ за тѣмъ, що ся съ вами робитъ, хотяй съ одной стороны боявся за Марту, и уважавъ якъ и где ховатися передъ войсками, — съ другой стороны на совѣсти я мавъ васъ — але давъ Богъ, спасеніе. Лищивъ я Марту въ колешнѣ Максимовой — а самъ побѣгъ въ сторону вашой хаты, увидѣвъ якъ жандармъ звернувъ до васъ, — въ перестраху, щобы васъ не скувавъ и не забравъ съ удирающимъ войскомъ, я чимъ тху погнавъ на замлыньскій горбочокъ где русскіи стояли, оповѣвъ коротко поручику его роты о що ся росходитъ, и онъ сейчасъ выправивъ двохъ солдатъ во мною до вашой хаты, передъ хатою я опустивъ ихъ — они войшли за жандармомъ, а я побѣгъ до колешнѣ по Марту, где-мъ ю съ перестраху дрожащу, ледво живу заставъ, взявъ за руки и ту вамъ ю отдаю.

СОФІЯ: Сыну нашъ — спасителю нашъ миленькій, чѣмъ вынадгородимо тобѣ твое милосердіе — та мы бысьмо ани одно уже и свѣта Божого не бачили, если бысь ты намъ въ пору не прійшовъ съ помочью.

ВАНЬО: Ничого отъ васъ не хочу, — то бувъ мой обовязокъ. але Марта уже не буде ваша, только моя.

ТЕОДОРЪ: А! Уже и такъ должно бути, ты ей собѣ выратувавъ, то уже и твоя нехай буде.

МАРТА: Татуню и вы мамуню, я Ванья давно любила и онъ мене, но я боялася вамъ сказати, бо Ваньо съ бѣдного роду паробокъ, — а вы смотрѣли за богатымъ.

СОФІЯ: — Такій то, видишь дѣвче, у насъ звычай бувъ — а теперь война зарядила иначе, и мы щастливы, що такъ ся стало.

МАРТА: Видите, самъ Господь помагае менѣ бути женою того которого я любила, чи не вартъ Ваньо того?

ТЕОДОРЪ: Ой вартъ онъ, вартъ того, але вартуешь и ты его, бо якъ виджу, щиро его любишь.

МАРТА: (До родичей): Няню и вы мамуню поблагословѣть насъ теперь, бо то часъ военный и Богъ знае якъ еще буде.

ВАНЬО: На войну уже не пойду — бо войска австрійскіи далеко за горами, вы люде стары — якъ видите трудно вамъ самымъ газдовати и такъ васъ лишити, а якъ ся заразъ поберемо, то поволи и господарство на ноги стане, и вы отжіете. Благословите насъ. (Клякаютъ передъ родичами).

АКТЪ III.

СЦЕНА IX.

(Свѣтлиця устроена по весѣльному, столъ, лавки, и т. д. Теодоръ, Софія и свашки накриваютъ столъ, зносятъ ѣдло, вино фляшки и т. д).

СОФІЯ: Що ино не видно нашихъ зъ церкви.

СВАШКА: И такъ долго якось забавляются.

ТЕОДОРЪ: А чути спѣвъ — певно идутъ.

СОФІЯ: И такъ бачите, дѣвча поставило на своимъ, полюбило Ванья, та хотяй и трафлялися люде богатшіи не пойде и вже— правда Ваньо хлопчиско красный и честный а любитъ Марту, що и житье бы за ню далъ — а она? Она хотяй бы и на край свѣта за нимъ пошла.

СВАШКА: Пара то съ нихъ, пара буде..... якъ двое очей.

СОФІЯ Ничъ и Никифорови не бракуе, а до того тамъ богатство.

СВАШКА: Та що съ того що богатство, коли то не рухливе, не веселе, не цѣкаве, ни то до читальнѣ, ни газеты не прочитае якъ то другіи, ино дома, та дома..... все бери ино мене лишай, а дѣвча живе якъ струна, та полюбило такого якъ сама. Лѣпшеся стало, бо были бысте спорѣкали якъ бы ся побрали зъ Никифоромъ, то разъ такъ якъ бы кота съ псомъ запрягъ до роботы.

СОФІЯ: Правду, святу правду кажете, такъ побралися кумъ Андрій зъ свахою Матроною и уже 18 лѣтъ якъ конця бѣдѣ у нихъ не видно.

СВАШКА: Ой нема, нема кумонько..... ганьба въ дома..... а въ селѣ смѣхъ.

ТЕОДОРЪ: Не дай Боже такого малженства, еще якось недавно, прійшовъ кумъ Андрій съ ярмарку отъ съ жарту щось тамъ сказавъ..... и не розбила ему жена каменный сивакъ на головѣ? Але ся покарала, бо въ горци были крупы, она ихъ не бачила — та всьо по смѣтью ся розбрызло. Баба увидѣвши тое, дрій собѣ волося зъ головы, а кумъ въ ноги, и пропавъ съ очей бабѣ. Таке малженство то чиста кара Божа.

СОФІЯ: А видишъ, такой добре ся стало, же-сьмо не силовали Марту за Никифора.

ТЕОДОРЪ: Ба, ба, теперь повѣдаешь, а якъ до рѣчи ишло, то такой, такой, щось не перемогла на свое.

СОФІЯ: Та, кто-жъ могъ знати, що исторія такъ ся оберне, — а то чуете, той хлопчиско знавъ, насъ съ такой бѣды выграмуляти.

ТЕОДОРЪ: Дай му Боже здоровье за тое.

(Свашки выходятъ, за сценою музыка грае, весѣльніи входятъ на сцену, спѣваютъ).

Выйди мамонько зо свѣтлицѣ Выйди мамонько зо свѣтлицѣ
Почестуй дитя зъ склянницѣ, Не честуй же его ледомъ,
Но солодонькимъ медомъ.....

(До весѣльныхъ приступаютъ Теодоръ и Софія съ хлѣбомъ и солею, честуютъ виномъ молодята. Свашки тримаютъ коровой. Музыка перестае грати).

СВАШКИ: Пріймитъ пани матко весѣльный дарунокъ отъ насъ.

СОФІЯ: (Принимае коровой). Спаси Богъ, Спаси Богъ за хорошій дарунокъ (подноситъ коровай высше головы, обертаеся зъ нимъ 3 разы, а музыка грае многолѣтствіе, гостѣ тымъ часомъ розсѣдаются поза столомъ. Софія кладе коровай на столъ).

ТЕОДОРЪ: (До Ванья — наливае вино). Честный молодче Ванью — зятю мой миленькій, коли Господь далъ тобѣ тую ласку, щось выдеръ Марту зъ рукъ вороговъ, нехай же-жъ она твоя буде..... Жійте въ згодѣ и любови, а всегда памятайте на одно, що есть надъ вами и надъ вашими дѣлами Богъ отъ которого цѣле ваше житья и спасеніе зависимо. Стережите его заповѣди и творѣтъ его волю а добре вамъ буде. Пью за ваше здоровье дай вамъ Боже прожити многіи лѣта. (Музыка грае многолѣтствіе. — Теодоръ пье самъ, наливаючи Ваньови и Мартѣ. Весѣльніи гости честуются сами. Музыка устае грати. Гости спѣваютъ „Многая лѣта").

ВАНЬО: (до родителей): Дорогіи панъ отецъ и пани матко: Боже вамъ заплатъ за ваше добре серце, що сте менѣ дали вашу доньку за жену, тую котору я давно щиро полюбивъ. Если Богъ намъ дасть здоровя и житья, я буду знавъ сповнити Его волю, а васъ якъ родичей шанувати, теперь позвольте выпити за здоровье васъ обоихъ и всѣхъ милыхъ гостей. (Музыка грае многолѣтствіе а гостѣ выпиваютъ — честуются сами).

СТАРОСТА: Теперь позвольте менѣ господарю и вы молодята высказати мои чувтва радости взглядомъ васъ и честныхъ гостей и поднести тую чашу на славу и благо русского народа. Да живетъ и крѣпне святая Русь. Гостѣ спѣваютъ многая лѣта. Послѣ музыка зачинае грати танецъ, гостѣ гуляютъ хвилю — куртина спадае).

(КОНЕЦЪ).

Григорій КУНАШЕВСКІЙ

Представитель всѣхъ Пароходныхъ Линій.

АГЕНЦІЯ ЗАЛОЖЕНА въ 1910 г.

ШИФКАРТЫ ДО КРАЮ

черезъ Антверпъ, Времень, Гамбургъ, Роттердамъ, и Трієстъ на найлучшихъ и найскоршихъ пароходахъ.

ХОРОШУЮ ОПѢКУ ДАЕМО ДЛЯ РОДИНЪ

Пересылка и вымѣна грошей по денному курсѣ.
Выѣзжающихъ до краю не змушуемо до вымѣны грошей.

По всѣ информаціи, а также за апликаціями на паспорты удавайтесь до извѣстного агента
ГРИГОРІЯ КУНАШЕВСКОГО, на адресъ:

G. KUNASHEVSKY, 179 E. 3rd ST., NEW YORK

За совѣстную и честную обслугу получилъ подяку отъ многихъ
Надѣюсь что задоволю и Васъ.